

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ О СВОИХ ГРАНИЦАХ, ВОЗМОЖНОСТЯХ И ЦЕЛЯХ.

Проблема отношения социальной теории к своему предмету – конкретной социальности имеет ряд аспектов. Во – первых, для философа важна проблема статуса социальной философии. Чем, действительно, она занимается? Мнение, распространённое сегодня, состоит в том, что социальная философия занимается прежде всего моделированием социальных отношений, их анализом, прогнозированием или чем-то подобным. Социальная философия, как кажется сегодня, занимается проблемами границ, оснований, проблемами научности социальной теории. Она выполняет, или, по крайней мере, должна выполнять прежде всего критическую функцию по отношению к возможной науке о социальных отношениях. Она в этом смысле призвана ответить на вопросы, специфика которых обусловлена пониманием социальной действительности как Реального с большой буквы – как той действительности, которая с одной стороны создаётся в акте творчества, с другой стороны – институционализируется и воспроизводится, с одной стороны организована символизацией, с другой стороны – противостоит всякой возможной символизации.

Очевидно, что социальные отношения и социальная действительность существует в среде языка, посредством этого языка, говоря более широко, но не теряя суть – в и посредством символизации. Социальный конструктивизм как господствующее течение в этом смысле обладает рядом значений. Во – первых, это направление анализа, которое устанавливает структурно-функциональные отношения между организацией социального

взаимодействия и агентами, являющимися носителями действия в рамках этой организации.. Во – вторых, есть и такое возможное прочтение, возможно существование отдельного образования, в котором специфическим образом организуется знание как таковое – назовём его вслед за М. Фуко эпистемой – которое организует социальные отношения. В – третьих, сама организация – будь то общество, или, если оно более не признаётся возможным в качестве отдельного объекта анализа, вообще субъект социального действия, либо идеология, или эпистема, рассматриваются в качестве образований языка. Язык оказывается онтологической структурой, по отношению к нему нельзя занять позиции созерцания, нельзя занять теоретическую позицию в строгом смысле слова.

Социальный конструктивизм, таким образом, представляется продолжением и развитием структурно – функциональной теории. Н. Луман развивает Т. Парсонса. Действительно, по мнению Лумана, невозможно занять позицию теоретизирования по отношению к обществу, поскольку общество представляет из себя всеобъемлющую систему коммуникации, и теория общества принадлежит самому обществу так, как всякая возможная коммуникация принадлежит языку. Иначе говоря, всякая теория социального действия является сама социальным действием.

Переосмысливается проблема статуса социальной теории, и в этом отношении развитие социологии социологии, к примеру, соответствует общенаучному стремлению придавать теории возможности рефлексивного контроля и критики, обращённой на самое себя. Существует тенденция к отказу от экстерналистского статуса социальной теории. Социальная теория не является “метаязыком” относительно той социальности, которую она призвана описывать и объяснять. Она включена в эту социальность в качестве её элемента. Но эта включённость в социальный контекст не означает, что теоретик не обладает возможностями

говорить о смысле социальных отношений, о мотивах индивидуальной деятельности индивида, о социальных интересах и конфликтах между ними, о точках зрения, о социальных представлениях.

С другой стороны, аналитик не должен стремиться выстроить универсальную теорию – он осознаёт ограниченность своей позиции, что означает, что он должен как можно более ясно и полно охарактеризовать свой метод, используемые концепции, язык теории – должен методологически строго ограничить теорию. Вместе с этим теория становится более чувствительной и внимательной к представлениям обыденного сознания, которые могут быть включены в неё. Теория стремится рефлексивно отслеживать эти представления, сознавая свою включенность в социальный контекст. Сложность также состоит в том, что нельзя лишь заявить о том, что каждая конкретная социальная теория в какой-то степени раскрывает истинную природу социальной действительности, что при этом каждая конкретная теория основывается на некоторой точке зрения, что в какой-то степени “работает” теория-1, в какой-то степени – теория-2 и т.д. Здесь возникает проблема взаимосвязи теории и здравого смысла.

Теория является коммуникативным действием. Это действительно что-то может объяснить нам в теории – например, распространённость в рамках социальной теории смысловых оппозиций – между обществом и природой, индивидом и социальным целым, между социальным творчеством и социальными институтами, между прогрессом и стагнацией, между властью и подчинением, доминирующими и доминируемыми. Распространение этих оппозиций Луман в частности объясняет бинарным отношением в рамках самого языка – т.е. всякая возможная коммуникация, как выражение некоторого отношения действующих агентов, построена на разделении, является как бы длящейся точкой бифуркации.

Итак, социальная теория в этом отношении является не отражением действительности социальных отношений, а самой этой действительностью. Отсюда следует парадоксальный вывод о её научном статусе – она ангажирована в социальность и потому представляет из себя взгляд одного из агентов социального действия, не является метатеорией; с другой стороны, к социальной действительности у неё есть непосредственный допуск, она собственной структурой, спецификой ставящихся проблем, терминологией, понятийным аппаратом являет собой истину определённых социальных отношений. Здесь для социальной теории важным приложением является логическая разработка возможности метаязыка как такового, проблемы возможности сформулировать в самой социальной теории условия истинности её положений.

Вторая группа проблем опять же связана с пониманием социальной действительности как Реального. Проблема заключается в следующем: какие формы принимает институционализация в обществе, как может организовать себя действительность социальных отношений, эта “магма”, по выражению К. Касториадиса? Если каждый участник социальных отношений обладает свободой воли и способностями создавать реальное социальных отношений вокруг себя по собственному усмотрению, то почему не разрушается вся система?

Эта проблема также связана с вопросом – как возможна устойчивость общества, точнее говоря, как могут поддерживать себя социальные отношения, не распадаясь на фрагменты? За счет чего возможно то, что в динамической среде отношений действуют законы, существуют ценности, институты в самом широком смысле этого слова. Как возможно то, что законы сохраняют своё значение в течение длительного времени, что возможны сохраняющиеся системы социальных представлений, что история агентам, которые изучают её, кажется организованной, и в течение

некоторого времени исторические события обладают неизменным значением?

Можно было бы избрать такой путь решения этой проблемы. Изначально существует язык. Он тотален, его власть абсолютна, и он дан каждому участнику отношений сразу и во все своей полноте (это исследуют такие мыслители, как К. Леви – Стросс, Ж. Лакан, Ж. Делёз). Выражение желания – это выражение потребности человека, но эта потребность, формализуемая в языке, подвергаемая символизации, и исходящая из воздействия на человека некоторых символов, уже вписана в определённую структуру. Если бессознательное, по выражению Лакана – это дискурс Другого, то и желание – желание Другого. Одно из другого не следует, но оба утверждения обосновываются онтологической природой символического. Потребность, воля, выраженная каким – либо образом, становится желанием, в котором Другой играет очень важную роль уже не только в качестве объекта, но и в качестве субъекта. Закон в таком случае, это всегда закон Большого Другого, т.е. языка как такового, он не устанавливается, а установлен уже заранее.

С другой стороны, необходимо объяснить именно длящееся и устойчивое существование общества, а значит, общество как процесс, как становящееся, а не пребывающее и ставшее. Нужно понять изменчивость и появление новых форм социальности в той же мере, в какой будет понято и существование и сохранение уже имеющих форм. Отделение одного вопроса от другого препятствует полному анализу проблемы. Символическое как сфера, производящая индивидуальные потребности, действительно зафиксирована. Но ведь существуют изменения в самой системе символического? Это можно объяснять опять же свойством самой символической системы – смещением серии означающих по отношению к серии означаемых, как писал Делёз. Это создаёт всегда актуальную возможность появления новых

смыслов в выражениях. Пытаясь объяснить продуктивное действие языка, мы объясняем его как структуру; усматривая возможности появления новых смыслов, мы эту структуру наделяем характеристиками бесконечности и постоянного смещения.

Третья группа проблем связана с аспектом творчества и аспектом производства в социальном поле. Можно объяснять появление новых форм социальности исходя из свойства языка, касающегося способности порождать новые смыслы. Актуализируется ли эта способность сама по себе, или требуется носитель действия, который способен её актуализировать? Метафора производства предполагает, что новые формы социальных отношений появляются на основе старых, они не появляются из ниоткуда. Творчество же предполагает создание абсолютно нового, нетождественного, производство различий. Но как подойти к ситуации различия? Что может являться основанием для фиксации этого различия? Только нечто тождественное. Нужно прибегать к понятиям неизменного, нужно руководствоваться идеями, выдвигать и придерживаться ориентиров справедливости, власти, блага, божественного, Разума и т.д. Что является основанием для определения, что нечто происходит, что что-то изменяется, что-то появляется? То основание, точка отчета, точка зрения, которой является в случае теории – теоретик, в случае действия – сам агент.

Современная социальная теория приходит к выводу, что различие не признаёт границ внешнего и внутреннего, носителя действия и предмета действия, теории и практики. Действие осуществляется как событие, которое изменяет всё – объект действия, субъекта действия, систему координат; перегруппирует означающие и означаемые в соответствующих сериях, по выражению Делёза. Всякое социально значимое действие меняет того, кто это действие осуществляет, всякому социальному действию присуща обращённость на самого себя. Возможно, это

является некоторым приближением к представлению о творческом начале в социальности.

Здесь нужно, правда, отказаться от представления о агенте, который является источником творчества. Возможно, что как раз у него такой способности нет. Творчество заключается, в одной из интерпретаций, в самой языковой структуре – некоторые знаки могут создавать другие. Они могут творить желание в субъекте. Этот процесс анализируется в психоанализе. Эта проблема отношения социального творчества и социального производства ясно предстаёт в вопросе о социализации личности. Производится ли личность как некоторая подсистема более крупной и универсальной системы социальных отношений вообще, или же здесь имеет место творчество – личность творит себя, но делает это посредством социальности и в её границах, так что этот процесс творчества себя является в то же время процессом творчества самой социальности? Не к этому ли отсылает концепт *enkrateia* у М. Фуко, не это ли возникает в образе складки у Делёза? В образе действующего человека у А. Турена, в термине структуризации у Э. Гидденса? Творчество становится универсальной категорией, и если рассматривать проблему с этой точки зрения, то творчество есть непрерывный акт социального, то свойство социального, которое присуще ему как таковому, не может быть локализовано в качестве способности в некотором регионе социальности, так, чтобы мы мыслили противопоставленными традицию и новацию, институционализацию и развитие, производство и воспроизводство.